

С Е Р Г Е Й П Л А Т О Н О В

ПРОВАЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА
ДО МИНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Хватит выражать обеспокоенность.
Пора вспомнить уроки Петра I,
Екатерины Великой,
канцлера Безбородко,
а также Иосифа Сталина:

Успешная внешняя политика —
это сочетание дипломатии
и демонстрация военной силы
с ее реальным применением.

Сергей Владимирович Платонов

Провалы во внешней политике России. От Венского конгресса до Минских соглашений

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30481182

*Провалы во внешней политике России. От Венского конгресса до
Минских соглашений / Сергей Платонов: Центрполиграф; Москва; 2018
ISBN 978-5-227-07814-8*

Аннотация

Предлагаемая книга является исследованием наиболее роковых ходов в российской внешней политике и дипломатии в период от Горчакова до Лаврова. Цель автора – показать их пагубность, чтобы, по возможности, предостеречь от повторения таковых в будущем. Одновременно за немалым числом ошибок в книге показана грандиозная картина нашего вклада в международную жизнь, а также изображается когорта выдающихся дипломатов, творящих тысячелетнюю историю внешней политики России – достойную и не совсем, отчаянную до безумия, а нередко и парадоксальную.

Содержание

От автора	5
Провалы во внешней политике России	12
Пролог	13
Часть первая	24
Корни и крона	24
Гость от Ленина	42
Резиденты. Кто они?	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Сергей Владимирович
Платонов
Провалы во внешней
политике России
От Венского конгресса
до Минских соглашений**

*Посвящается сыну Владимиру и всем российским
дипломатам, погибшим при исполнении служебного
долга*

© С.В. Платонов, 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Внешняя политика и дипломатия – это непрерывный процесс развития, спадов и даже регресса межгосударственных отношений, вплоть до обнуления. Самые крайние точки этого процесса – дружественные или вынужденные военно-политические союзы, как предвестники военных конфликтов. И, наконец, войны – трагический обрыв всех связей.

История международных отношений также показывает, как нередко, казалось бы, бесспорные победы дипломатии спустя время оборачиваются поражениями. И наоборот, поражения – победами. Кризисы, цугцванги и роковые ходы в дипломатии обычное дело. Роковые ходы с неотвратимостью ведут к поражению, но очень часто, если не всегда, осознание этого в лучшем случае приходит спустя десятилетия после великих межгосударственных катастроф. Иногда не приходит и вовсе. Брак в работе сантехника замечает каждый. В работе дипломата – заметят единицы. Хотя почувствуют миллионы. Но не сразу. Поэтому политикам и дипломатам никогда не стоит торопиться с окончательными выводами о состоянии внешних дел. Почивать на лаврах не их удел. Мировая ситуация сменяется как погода. Правящие лица не могут отдать внешнюю политику на откуп дипломатии и временами наслаждаться ее результатами. Их «крест» – «держат руки» на пульсе межгосударственных отношений

беспрерывно. Кроме этого, важно наличие способностей и немалого опыта в этом непростом ремесле. Полное фиаско «дипломата» Горбачева – яркое тому подтверждение. Иногда кажется, что дипломатия, как и торговля, не совсем наш удел. Мы скорее воины, чем дипломаты. И все же...

Для начала бросим беглый взгляд на историю. Вот некоторые примеры. В 1807 году Россия с Францией заключили бессрочные Тильзитские мирные договоры и трактат о наступательном и оборонительном союзе, а уже в 1812 году император Наполеон двинул против нас армию объединенной им Европы.

Во второй половине XIX века роковой союз России с Пруссией ослабил Францию с Австрией и создал внешние предпосылки для преобразования канцлером Бисмарком рыхлого Германского союза в сильную Германию. И уже через пять лет она разгромила Францию, а спустя сорок лет объявила войну России. Фактическая капитуляция Турции перед Россией и победоносный Сан-Стефанский договор о мире 1878 года обернулись в этом же году по результатам Берлинского конгресса из-за интриг Бисмарка и слабости «блистательного» министра Горчакова всего-навсего полупобедой. Болгария так и не получила полной независимости от турок, а Россия не вышла к проливам. Хотя именно из-за этих намерений мы вступили в эту войну.

Похабный для Советской России Брестский мир 1918 года спустя год «аннулировала» революция в Германии.

Успешный Мюнхенский сговор Франции и Британии с Гитлером всего через два года не помешал Германии разгромить французов и нещадно бомбить британские города.

Заключение Пакта о ненападении с Германией очень быстро обернулось ее вероломным нападением на СССР. Результат для агрессора трагический – разгром и безоговорочная капитуляция немецко-фашистской Германии и ее союзников. Но при этом СССР потерял 26 миллионов 600 тысяч человек. Из них – 15 миллионов 400 тысяч мирных граждан. Имущественные потери – неисчислимы.

Заключенный Брежневым и Брандтом с большой помпой в 1970–1975 годах пакет мирных соглашений СССР— ФРГ и создание в Хельсинки по инициативе нашей страны в 1975 году Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) считалось укреплением позиций СССР, но это были, возможно, самые роковые ходы для судьбы СССР. Мы думали, что открылись цивилизованному миру. Но в открытую дверь под видом коробейника вломился разбойник, и спустя шестнадцать лет, ослабленный глупым правлением Горбачева и Ельцина, СССР пал от напора США и Европы, объединенных под «флагом Хельсинки». Напротив, ФРГ с подачи Горбачева расширилась за счет поглощения ГДР. Впоследствии канцлер Гельмут Коль говорил, что он получил восточные земли по цене бутерброда, хотя готов был заплатить не меньше ста миллиардов долларов.

Но на этом роковые ходы Горбачева и Ельцина не пре-

кратились. Передав ГДР западным немцам, Россия вывела из Европы войска. При этом ушли бесславно, не оставив ни единой базы. Теперь нас называют не освободителями, а захватчиками. И еще берут с нас своеобразную дань, вынуждая, не без помощи кудриных, грефов, набиуллиных и других их поклонников, менять рубли на зеленые фантики и фиолетовые еврики по безумно дорогому курсу. Советско-германские договоры и «Хельсинки» оказались последним гвоздем в гроб Ялтинско-Потсдамской системы послевоенного миропорядка. Политика разрядки западных «друзей» была маскировкой усилий по «изменению через сближение». Но изменений односторонних, внутри СССР. Если судить по результату – она удалась. И как в шахматах, так и в международных отношениях, после рокового хода такого масштаба, уже в третьем десятилетии XXI века новый поход натовской Европы на Восток становится не столь отдаленной реальностью. Третья мировая стала неизбежной. Вопрос времени. А пока американцы и под их давлением европейцы перманентно пытаются «разорвать в клочья» нашу экономику, ослабить ее бесконечными финансовыми санкциями за «неправильное» отношение к западным ценностям. А на самом деле – с целью ослабления перед будущим нападением. Из-за чего среди большинства российского народа не было более ненавистного зарубежного руководителя начала XXI века, чем 44-й президент США Обама – президент нации торгашей и военных преступников. Парадокс, но самым вер-

ным подручным США в их злодеяниях против российского народа в форме экономического терроризма стала набирающая мощь Германия – наш общий противник во Второй мировой, а теперь вернейший вассал американцев и будущий главный противник в третьей мировой.

В 1950 году СССР и Китайская Народная Республика заключили на тридцать лет договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, но в период с 1957 по 1963 год по вине беспардонного Хрущева отношения пошли под «откос», а в 1966 году войска СССР и КНР вступили на пограничном Амуре в районе острова Даманский хотя и в локальные, но жестокие кровавые боестолкновения, которые превратили договор в фикцию и открыли для США поле многолетней манипуляции двумя еще вчера дружественными державами-соседями. Слава богу, не совсем успешно. И мы, и китайцы вовремя вспомнили об извечном вероломстве янки.

На непредсказуемость мировой ситуации указывают и такие исторические примеры. По просьбе императора Австро-Венгрии в 1848 году мы помогли подавить восстание венгров, а через шесть лет, когда Турция, Франция, Британия и Сардиния набросились на Россию, Вена не только отказала в помощи, но и постоянно грозила вступить в коалицию агрессоров. Из-за чего мы были вынуждены держать на Дунае большую, так необходимую в Крыму, группировку войск.

В 1878 году мы окончательно освободили Болгарию от турок, а в XX веке она трижды (!!!) выступала на стороне анти-

российского блока. Теперь вот в XXI веке помогаем Сирии (!) с неясными плодами такой помощи в виде двух необустроенных, как будто временных военных баз.

По итогам Русско-японской войны Курилы и Южный Сахалин отошли к Японии, а через сорок лет после капитуляции Японии эти территории триумфально «возвратились» в Россию. Теперь бы не совершить рокового шага в виде не нужного нам мирного договора.

Президент европейских переселенцев, изгнанных из Европы монархами и церковью в XVI–XVII веках в Северную Америку, теперь управляет Англией, а через НАТО и всей Европой. Двести лет Америка была колонией Англии. И уже сто лет, наоборот, – Америка правит бывшей метрополией. То есть на смену Британской империи пришла империя Америки, которой мы помогли в 1945 году разгромить Японию. И тут же США объявили СССР главной угрозой человечеству. А потом позаботились и о том, чтобы народы «забыли», кто же на самом деле разгромил войска объединенной Европы во главе с Гитлером. Подыграли в этом им и наши идеологи, без конца повторяя как мантру глупость о том, что мы Европу не разгромили, а освободили. Или как страны Варшавского блока, Украина и Прибалтика из наших сателлитов и союзных республик в одночасье превратились в противников России. Мы возгордились решающей ролью России в ликвидации химического оружия Сирии, но этим роковым ходом разрушили региональный баланс сил (мощная

армия Турции – ядерный арсенал Израиля – химоружие Сирии), и вскоре нам пришлось защищать ее от радикальных исламистов. Самый «свежий» пример резкого поворота отношений «любви-ненависти-любви» – скоротечный «авиационный» конфликт между Россией и Турцией. В этом же ряду заигрывание России с Японией по поводу мирного договора и строительства моста между островами Сахалин и Хоккайдо. Таких ситуаций-химер в истории международных отношений множество. Те же США и Россия – СССР – Россия играют почти всегда в ноль, нередко – в минус. Для нас. Стоит ли такая игра свеч? Вопрос риторический.

Поскольку мировая стабильность является исключением, а хаотичность – нормой, понять что-то в этих хитросплетениях дано не каждому. Автору этих строк повезло. И хотя моим гидом по бесконечным лабиринтам международных отношений оказался случайный курортный знакомый, его информация была такой профессиональной, глубокой и обширной, что было бы грешно не погрузить других в этот кладезь. И кому интересно, послушайте рассказ одного из гуру российской дипломатии в моей записи.

Провалы во внешней политике России

Наши дипломаты держатся одного правила: быть ниже травы, тише воды – и заботятся об одном: как бы покойнее и долее просидеть на своем месте...

С турками и Европой у нас один общий язык: итыки. На этом языке еще неизвестно, чья речь будет впереди. А на всяком другом нас переговорают, заговорают, оговорают и, по несчастью, уговорают.

Петр Вяземский, 1854 год

Дипломаты, дипломаты, —

Протокольная работа...

Как легко вам ошибиться!

Как нельзя вам ошибаться!

Роберт Рождественский

Дипломатия – это непрерывная Олимпиада, где приходится постоянно соревноваться в отстаивании одной большой политики и великого множества малых политик.

Леонид Ильичев, советский дипломат

Пролог

Однажды судьба забросила меня в курортный кубано-кавказский городок Горячий Ключ. Судьба звалась Людмилой. Жена предложила очередной оздоровительный отдых провести не в привычных чешских Карловых Варах, ставших непомерно дорогими для двух немолодых москвичей, а на курорте отечественном, тихом, малоизвестном и потому недорогом.

Еще до этого намерения я все чаще подумывал о написании книги по истории внешней политики и даже три месяца провел в архиве Министерства иностранных дел в Плотниковом переулке, где сделал первые наброски. Но потом меня захватила горячая тема по Украине и возвратиться к задуманной раньше работе никак не удавалось. Понимая, что уединение от беспокойной московской жизни и суеты раскрученных курортов пойдет мне на пользу для дальнейшего обдумывания, а может, и начала будущей книги, охотно согласился с ее вариантом. Тем более что она уже нашла в Интернете информацию о такой здравнице.

Курорт этот с историей больше чем в сто пятьдесят лет и весьма целебными минеральными источниками из-за долгого отсутствия шоссейной и железной дорог не развивался, пребывая в тени двух курортов-знаменитостей: Сочи и Кавказских Минеральных Вод. Но с открытием железнодорож-

ного сообщения и постройки автострады Краснодар – Черноморское побережье он получил второе дыхание и, как писали в рекламных текстах, стал привлекательным во всех отношениях.

Расположенный почти на полпути между Краснодаром и черноморским поселком Джубга и всего в 40 километрах от аэропорта, курорт Горячий Ключ уютно раскинулся у самого северо-западного подножия Кавказских гор на правом берегу горной реки Псекупс. Проезд на такси по недурно устроенной автостраде оказался недолгим и недорогим. Первое впечатление было действительно положительным. Особенно из-за убранных в красочный осенний наряд улиц с опрятными домами и безупречной планировкой, характерной для бывших военных поселений времен длительной Кавказской войны. Уюта городу добавляло природное обрамление из покрытой лиственными лесами невысокой горной гряды, которая, как ожерелье, украшала его с трех сторон. Мы без проблем поселились в одном из коттеджей одноименного с городом санатория на расстоянии 300 метров от питьевой галереи. Жене купили курсовку с полным набором оздоровительных процедур. Мой распорядок был свободным.

Каждое утро после двухчасовых литературных занятий за компьютером я делал перерыв и шел пить минералку с легким запахом сероводорода, который поначалу слегка раздражал, но по мере привыкания становился подозрительно приятным. После питьевой галереи мимо приземистого

курзала старой добротной постройкой и памятника академику Ивану Павлову я направлялся в небольшую часовню для духовной подзарядки. При этом потрепанный московским круглосуточным грохотом организм жадно наслаждался тишиной живописного Дантова ущелья – местного памятника природы. Потом прогуливался вдоль реки до скалы Петушок – своеобразного символа курорта. Иногда переходил на другой берег Псекупса по Счастливному мосту. Так называли местные жители и отдыхающие, казалось бы, обычное инженерное сооружение, ставшее вдруг «счастливым» в силу прочно вошедшего тогда в моду у молодоженов обычая – навешивать на ограждения мостов обычные замки. Символизирующие, по их наивному, но прекрасному убеждению, крепость браков. От моста мощенные разноцветной фигурной плиткой дорожки вели к нескольким затейливо выполненным фонтанам и красивому новоделу – удачно стилизованному под древность отелю «Старый замок» с рестораном кавказской и черноморской кухни.

На главной аллее курортного парка напротив лечебного корпуса санатория внимание отдыхающих привлекало еще одно сооружение. Это был возведенный в XIX веке памятник в честь 50-летия курорта в виде кованой ажурной металлической арки на скромных колоннах, с несоразмерно массивными, но мастерски выполненными фигурами двух львов, возлежащих у основания каждой и царственно взирющих на снующую мимо них жаждущую исцеления курорт-

ную публику. Опирались львиные лапы на туши поверженных химерных животных. По задумке неизвестных скульптора и архитектора эта композиция явно символизировала победу целебной силы курорта над людскими недугами. Арка была самым знаковым и любимым местом для съемок на память о санатории и Горячем Ключе.

Во время ежедневных прогулок я не единожды замечал мужчину зрелых лет в поношенном, но все еще добротном английской шерсти костюме, очевидно приобретенном когда-то во внешторговской «Березке». Были в СССР такие закрытые магазины для иностранцев. Это сразу выделяло его из массы мужчин в обычных теперь на отдыхе спортивных костюмах-трениках. После посещения питьевой галереи он подходил к описанному выше памятнику и как будто общался с одним из львов. Необычность такого ритуала меня заинтересовала. Признаюсь, любопытство распирало меня от немого вопроса: о чем можно беседовать с памятником? Это же не иерусалимская Стена Плача. А если он молится, то для этого совсем рядом есть часовня. Или это всего лишь проявление какой-либо странности, нередко свойственной людям такого возраста?..

В один из дней, чтобы прекратить гадания и под воздействием того самого любопытства, которое «не порок, а...», я решился заговорить с незнакомцем и прояснить причину его загадочного поведения.

– Простите за вторжение в ваше пространство. О чем, ес-

ли не секрет, вы беседуете с памятником?

Мужчина не возмутился и даже не удивился. Ответил спокойно:

– Это очень личное. – Потом внимательно посмотрел на меня и продолжил: – Но я чувствую, что вы добрый человек, и потому могу поведать вам эту печальную и одновременно светлую для меня историю... Очень давно, когда еще были живы кубанские родственники, мы привозили сюда подлечить маленького сына. Однажды вот здесь, у левого льва, он попросил его сфотографировать. У меня был простенький фотоаппарат «Смена». Я усадил сына на лапы льва и сделал снимок. Фото сохранилось, вот оно...

Незнакомец неторопливо достал из внутреннего кармана пиджака и показал пожелтевший снимок. На нем 5—6-летний светловолосый мальчишка гордо и бесстрашно восседал на лапах льва, а в высоко поднятой руке держал игрушечную сабельку, как бы вонзенную в раскрытую пасть зверя. Наверняка в воображении ему виделась схватка со львом или лихая конная скачка... Мужчина убрал фото в карман и продолжил:

– Сынишка был общительный и легко вступал в контакты с медперсоналом и отдыхающими. Его очень быстро полюбили. Тот, кто с ним пообщался, буквально не давал ему прохода. Были и курьезы. Помнится, во время приема у доктора на ее вопрос: «Как тебя зовут» – он спросил ее: «А тебя как?» На ее другой вопрос: «Сколько тебе лет?» – он опять ответил

своим вопросом: «А тебе сколько?» Как-то при встрече с директором санатория сын заявил ему, что он очень красивый мужчина. И эта действительно правдивая оценка так смутила строгого начальника, что он долго не мог сообразить, как ему реагировать. Но вершиной его проделок стало признание в любви хорошенькой медсестре. А когда она сказала, что «не может ответить ему взаимностью из-за того, что уже замужем», он спокойно заметил: «Ничего страшного, ведь муж старше меня, и я подожду, пока он умрет». Что уж на нее подействовало больше, не знаю. Но когда мы уезжали, она подбежала к такси, очень тепло попрощалась с маленьким женихом и подарила в дорогу плитку шоколада.

Сын выздоровел, хорошо закончил школу, преуспел в спортивном пятиборье, окончил институт международных отношений, стал, как и я, дипломатом. Мы с женой были еще молоды, и казалось, счастье навсегда поселилось в нашей семье. Но в 33 года он погиб. Теперь я на пенсии. Вернее сказать, в отставке. Каждый год, приезжая в ставший близким и даже сокровенным для нас Горячий Ключ, я тайком от жены, чтобы ее не травмировать, обязательно прихожу к памятнику и как будто общаюсь с моим сыном. Он был нашим единственным ребенком.

– Боже мой, как страшно хоронить детей и больно переживать такие утраты. Прошу прощения за любопытство... и все же расскажите, как эта трагедия случилась? – как можно сочувственнее, почти шепотом и потому еле слышно прого-

ворил я.

– Вам не за что просить прощения, как я уже сказал, сын окончил в Москве институт международных отношений, овладел арабским и французским языками. Английский он освоил еще в детстве во время моего пребывания в Америке. Потом служил в наших посольствах в Саудовской Аравии и Ливане. Очень любил, как он говорил, динамичный Восток. Считал, что погрязшая в безудержном потребительстве, и оттого все более антихристианская Европа нам чужда, и называл ее злой и дряхлой старушенцией. Но именно в беспокойном Бейруте он был взят в заложники ливанскими террористами. Они потребовали от России, чтобы она надавила на дружественную Сирию и заставила вывести свои миротворческие войска из Ливана. Правительство России отказалось, и тогда его убили. Причем за двадцать лет до этого при таких же обстоятельствах и там же был убит наш совсем молоденький дипломат родом из Краснодара. Вот такое для нашей дипломатии печальное место Бейрут.

Я снова помолчал, не зная, что сказать. Придя в себя, опять очень тихо произнес:

– Никогда не думал, что служить дипломатом так опасно. Не такое и парадное это ремесло, как кажется со стороны...

Извинившись еще раз, я неловко простился и, удаляясь, мысленно укорял себя за то, что вот так походя влез в потаенную боль незнакомого человека.

На следующий день мы столкнулись в коктейль-баре. И

снова разговорились. Правда, теперь инициативу в разговоре проявил он. На этот раз тема была самая горячая: обстановка на Украине и как на этом фоне смотрится российская дипломатия. Меня очень задел его оценки: «Наша дипломатия Украину профукала. А ведь российско-советское общество сотни лет пестовало эти окраинные земли, вкладывало труд и огромные финансы, создавая промышленность Харькова, Днепропетровска и Запорожья, судостроение, первоклассные военно-морские базы и порты Севастополя, Николаева, Одессы, Ильичевска и Южного, а также курорты Крыма. Потом все это восстановило после войны. И теперь эти богатства бандерофашисты, пришедшие с помощью США к власти, хотят отдать на блюдечке Европе, которая в годы Второй мировой не смогла все это захватить силой оружия? Позволить этого нельзя. За свое надо бороться!»

Оказалось, что мой собеседник некоторое время работал в Киеве и хорошо понимает украинскую ситуацию вообще, а также проблемы Крыма и Новороссии. Потом по моей просьбе к этой теме мы возвращались не единожды.

А пока мы договорились, что говорить будем в основном об ошибках и неудачах в области внешней политики. Комплиментов и мифов хватает в официальных документах, в школьных и вузовских учебниках. И в не очень критичных воспоминаниях политиков и дипломатов. Мы будем обсуждать правду, и ничего, кроме правды.

Но больше на курорте мы не встречались. Расстались

неожиданно из-за моего срочного отъезда на малую родину в кубанский город Кропоткин по печальным семейным обстоятельствам. Когда мы с женой возвратились в Москву, я решил разыскать курортного знакомца через Ассоциацию российских дипломатов. Воспоминания о необычной встрече и мысли вокруг семейной трагедии российского дипломата меня не оставляли. Захотелось узнать о нем и вообще людях этой профессии побольше. Поиск в Интернете дал немного. Сообщалось, что в том же Бейруте во время последней гражданской войны погибло еще два наших дипломата. Случалось такое в этой и в других горячих точках и прежде. Таким образом, в отличие от настоящей Швейцарии, ближневосточная, как нередко называют Ливан, несмотря на все свои красоты, для людей этой профессии была и продолжает быть местом, мягко говоря, некомфортным. Неожиданным было и то, что, кроме добротного романа 60-х годов прошлого века Саввы Дангулова о советских дипломатах Второй мировой войны под названием «Кузнецкий мост» и малотиражных мемуаров нескольких бывших послов, о деятелях и сотрудниках российской дипломатической службы ничего больше не написано. При этом почти все воспоминания, как обычно, весьма тщеславны и не дают полного представления о реальности.

В это время я окончательно понял, что судьба не случайно забросила меня в Горячий Ключ и свела с отцом погибшего дипломата. Он как будто благословил меня не останавли-

ваться и продолжить усилия по написанию задуманной когда-то книги о внешней политике России и дипломатах, которые делают важнейшее для страны дело, в котором так легко ошибиться, но без права на ошибки и нередко лицом к лицу с опасностью.

Твердо решив не откладывать больше эту работу и понимая, что без помощи профессионала мне не справиться, я принялся разыскивать моего курортного знакомого-дипломата в отставке. Хотя были опасения, что могу не успеть по причине недостатка информации и преклонности его возраста. Но мне повезло. Очень скоро через Ассоциацию российских дипломатов и ее главу обаятельного Игоря Васильевича Халевинского мой поиск привел к успеху. Там же в одном из помещений ассоциации состоялась наша первая московская встреча. Потом мы встречались почти ежедневно. Естественно, встречи вылились в долгий разговор в духе нашего национального характера об успехах и неудачах, о реальности и мифах внешней политики на разных этапах российской истории. Хотелось узнать побольше о «кухне» нашей и международной дипломатии, о выдающихся деятелях и тружениках-дипломатах на ниве внешней политики. Беседовали мы без всякой системы, перескакивали от одной темы к другой, из настоящего в прошлое и обратно. Очень часто разговор поворачивался на тему о гибели СССР. Видимо, у нас обоих еще кровоточило. Однажды он сказал, что счастлив был родиться и жить в Великой Утопии и печаль-

но, что она исчезла до его ухода в вечность. Иногда мы пытались заглянуть в будущее. Я спрашивал не один раз, будет ли Большая война. Он отвечал: если имеется в виду третья мировая, то да. Но когда – сказать трудно. Это как Бог решит. Мир удовольствий и безудержного потребления все больше скатывается по наклонной к пропасти, через отказ от нравственных барьеров, в сторону содомии и хаоса. Но, к счастью, не так быстро, как ожидалось после первого применения ядерного оружия. Как-то он выдал и такое: дипломатия XIX–XX веков – это сплошное, временами благостное лицемерие, а теперешняя становится все более откровенно лживой и оттого порочной.

Мне было интересно. Иногда радостно, иногда печально. Чаще тревожно. Если не надоело, приглашаю и тебя, неравнодушный читатель, послушать продолжение нашей беседы...

Часть первая

Истоки

Корни и крона

Как я уже отмечал, первая и последующие наши встречи проходили в Ассоциации российских дипломатов на Смоленской-Сенной площади рядом с МИДом. Соседство которого как бы осеняло и питало наши беседы. Диалог, который на самом деле больше походил на его монолог, я начал с прямого, то есть без политесов, вопроса:

– Как часто возраст и состояние здоровья позволят нам встречаться?

– Именно из-за этих факторов не стоит откладывать. Предлагаю приступить немедленно и встречаться каждый день. И еще... Я должен сказать для большей ясности в наших отношениях об одном обстоятельстве. Кроме Министерства иностранных дел мне пришлось послужить в Комитете государственной безопасности. И в Киевском КГБ тоже.

Я принял сказанное к сведению и с азартом исследователя, так скоро «добывшего» существенную новость о собеседнике, и задал вопрос-заготовку:

– Еще в Горячем Ключе вы сказали, что в вашем роду мужчины издавна предпочитали заниматься дипломатией.

Кто положил начало династии?

– Я отвечу на ваш вопрос, но начнем с того, как наши предки относились к профессии дипломата. Так вот, среди ста двадцати девяти великих деятелей на памятнике 1000-летию Руси (1862 год) в Великом Новгороде увековечены имена шести дипломатов: Афанасия Ордин-Нащокина, Артамона Матвеева, Бориса Шереметева, Александра Безбородко, Виктора Кочубея, Александра Грибоедова (писатель-дипломат). Отсюда вывод: с дальних времен в России профессия дипломата была почитаемой и заметной.

Первый и второй персонажи жили и служили России в XVII – начале XVIII века. Их славные деяния уже покрыты патиной древности. Потому и подробному разбору нами, недостойными, не подлежат. Приравняем присутствие их имен на великом памятнике к зачислению в сонм святых. Отметим только, что они возглавляли внешние дела при великих правителях – царе Алексее Михайловиче и императоре Петре Первом. И еще вспомним, что Артамон Матвеев положил начало успешной московской политике по воссоединению с Малороссией, а Борис Шереметев, будучи ближайшим сподвижником Петра Великого, как полководец руководил войсками в Крымских и Азовских походах, в Северной войне, а затем вместе с Василием Голицыным в качестве главы дипломатической миссии вел переговоры и заключил «Вечный мир» с Польшей. И действительно вечный – следующая война с поляками началась через сто лет.

– Простите, что перебиваю, вопрос по ходу: почему памятник 1000-летия Руси предки наши поставили в Великом Новгороде, а не в Киеве? Сколько помню, изначально Киевской Русью мы себя называли, а Киев – «матерью городов русских».

– Вы, как и многие, путаете время образования государства с крещением. Между этими датами более века. Официальное начало государственности связано с Новгородской землей, а крещение – с киевским князем Владимиром. Так что памятник поставлен там, где надо.

Отвечаю на вопрос об истоках нашего рода. Свое начало мы ведем от Александра Безбородко. Того самого, что отмечен предками на памятнике в числе героев российской истории. Он первенствовал в Коллегии иностранных дел Российской империи при дворе Екатерины Великой. Начинал писарем в Малороссийской коллегии в Глухове, а завершил в званиях канцлера и светлейшего князя. Все прежние главы дипломатии происходили из родовитых великорусских семей. И только он – из казацкой старшины. Вот такой взлет! Виктор Кочубей – племянник Безбородко. Видимо, без дядиной протекции не обошлось. О них мы еще поговорим.

– Еще вопрос в связи с памятником. Представим, что наши современники решили бы добавить к этому славному списку деятелей, живших позже. Кого бы из дипломатов вы включили в их число?

– Точно Чичерина, Молотова, Вышинского и, возможно,

Громыко.

– За что Чичерина?

– Под его умелым руководством дипломатам молодой Советской России в короткий срок удалось прорвать политическую и торговую блокаду. Сначала на азиатском, а потом и европейском направлениях: договоры с Афганистаном, Ираном и Турцией; договор в Рапалло с Германией; блестящее руководство советскими делегациями на Генуэзской и Лозаннской мирных конференциях. Хотя на его же счету и подписание похабного Брест-Литовского сепаратного мирного договора. В связи с этим замечу, что во внешних делах не делать ошибок невозможно в принципе. Так, председателем правительства Булганиным и министром Шепиловым была подписана Декларация о принципах отношений с Японией в 1956 году. В ней мы опрометчиво обещали передать японцам часть Курильских островов. Так что история мировой дипломатии не знает безупречных правителей и министров иностранных дел. Дело в балансе успехов и неудач.

– А князь Горчаков?

– Скорее нет, чем да. Дело, как я сказал, в балансе.

– Но почему? Его так почитают в МИДе России. Посмотрите речь министра Примакова на юбилейном заседании в честь 200-летнего юбилея со дня рождения князя. Там такие дифирамбы! А с Вышинским вы не хватили через край? Мало кто с вами согласится. И еще – вы даже не упомянули о таких фигурах недавнего прошлого и современности, как ми-

нистры Шеварднадзе, Козырев, Иванов, ныне действующий Лавров. О них что, нечего сказать? Или тот же посол-долгожитель Добрынин?

– Это непростая тема на грани классики о «светочах» и «злодеях». Те же Горчаков и Вышинский – очень показательные фигуры в качестве исторической пары антагонистов. Вспоминается краткая, но емкая характеристика молодого князя из архивов III отделения императорской канцелярии: «Горчаков не без способностей, но не любит Россию». И действительно, он часто бывал как бы отстраненным от чисто российских интересов и проблем и все больше уповал на мнение «концерта» западных держав. Нередко казалось, что Европа в целом и особенно французы с немцами были ему ближе. Не случайно в начале карьеры он во всем поддерживал Пруссию, а потом Германию. На пике карьеры стал, по выражению Бисмарка, совсем французистым. Последние пять лет он жил в Ницце и Баден-Бадене, где и умер. В целом он больше нарцисс и созерцатель, чем деятель. Горчаков не был силен в конкретных переговорах, тяготился дипломатической рутинной и потому тщеславно жаждал конференций и конгрессов, где можно блеснуть. Хотя активно и, по его собственному признанию, бездарно участвовал в работе только одного – Берлинского 1878 года конгресса по итогам Русско-турецкой войны, когда из-за почтенного возраста и болезней вынужден был предпочитать упорным практическим действиям громкие фразы и дипломатический флер.

Будучи после этого конгресса фактически отстраненным от дел, он еще три года цеплялся за должность министра. Но Горчаков, по мнению поборников европейских ценностей и правозащитной ереси, велик!

Антипод князю – Вышинский, умнейший и преданный интересам СССР ученый-юрист и дипломат-государственник, выдающийся трудоголик, прекрасный оратор, активный участник двух самых успешных международных конференций (Ялтинская и Потсдамская), творец Нюрнбергского трибунала, один из создателей ООН, умерший в расцвете карьеры на посту, – наоборот, «не того». И в стратегическом плане крупных ошибок за ним не водилось. Но его имя стерто со страниц истории потомками тех, против кого он боролся, защищая интересы страны и простых людей.

– Очень интересно и неожиданно. Мы сможем более подробно поговорить об этих двух деятелях?

– Постараюсь. Думаю, еще не раз вспомним о них. А вот еще интересная пара – Шеварднадзе и Козырев. Один – полный профан, другой – профессионал. Но и при одном и другом здании МИДа на Смоленке называли московским филиалом Государственного департамента США. Видимо, не зря после ухода с поста министра Шеварднадзе сбежал в Грузию, а Козырев уехал на жительство в США и продолжает вредить стране издалека. Эта парочка тоже достойна отдельного разговора.

И все же... Не ведаю, как скоро продолжатся наши встре-

чи. Знаете, возраст, болезни и все такое... Поэтому давайте сразу о моем самом наболевшем. Какой самый главный недостаток нашей внешней политики, знаете? Нет? Так вот, кроется он в нашем российском характере и называется излишней открытостью и доверчивостью, которые для дипломатии противопоказаны по определению. Мы очень часто пытаемся в международных делах быть добренькими, справедливыми, идем на уступки и ждем этого же в ответ. Но получаем одни удары. Нужны примеры? Да возьмите хотя бы историю наших отношений с Францией, США, Германией, Болгарией или с Грузией. То же самое с Польшей или последние два десятилетия с Украиной. Так происходит не одно столетие.

Совещание по безопасности в Хельсинки в 1975 году, проведенное по нашей инициативе, – из этого же ряда. Именно после него нас стали мордовать по теме прав человека. К ослаблению нашей безопасности привели и все попытки сближения с Европой и США за счет наших уступок по выводу войск с Кубы, из Европы, Монголии и Афганистана, уничтожения арсенала ракет малой и средней дальности. Кто нам мог помешать оставить часть Западной и Северной групп войск в виде военных баз в Германии, Польше и Прибалтике как условие вывода контингента? Да никто. Потом удивляемся, что в Европе растет поколение, считающее, что Гитлера победили американцы. И тому есть основания. Причем наглядные.

Представьте молодого немца, который, проходя, проезжая

мимо военной базы США где-нибудь в Баварии, спрашивает: почему они здесь? И слышит в ответ: они освободили нас от фашистов. А наших баз он не увидит. Мы ушли. Мы добренькие – пожалели немцев, чтобы они не страдали от разделения на ГДР и ФРГ. Поэтому о нас не спросят и забудут. И уже забывают. Вот так банально! А в итоге через десяток лет получим новый поход немцев на Восток!

Также бездумно мы отказались от наследия революции с уникальной социалистической идеологией и в результате потеряли столько союзников на всех континентах. А ведь в Китае, Вьетнаме, на Кубе и в ряде других стран до сей поры компартии у власти. Сколько усилий и средств мы вкладывали в формирование дружественных нам режимов, и все напрасно. К этому нас довели политики и дипломаты типа Горбачева, Шеварднадзе, Ельцина, Козырева и им подобные, не знающие, что такое историческая память и ответственность перед прошлыми и грядущими поколениями. Они в лучшем случае добивались нулевого результата. Только за итоги Крымской и Потсдамской конференций 1945 года не стыдно. Но это заслуга деятелей другого типа – Сталина, Молотова и Вышинского.

Вот такие коврижки, хотя есть и те, кто утверждает, что мягкость нашей внешней политики, если считать в долгой перспективе, есть одновременно и наша сила. Как в старину говорили: «Сила в правде». Но наши противники все больше действуют из принципа «Сила есть – ума не надо». И только

по выгоде. Уверен, к этой теме мы вернемся еще не раз.

– Может, мы во внешней политике частим с инициативами, то есть слишком активны и не можем их переварить? Как говорится, довести до ума.

– По-разному, когда активны, когда пассивны. Тут много причин. Корень в косности МИДа. Мы слишком держимся за форму и упускаем суть процесса. Нам очень нравится, когда нам говорят приятные слова. И за это мы готовы давать кредиты, оружие. Причем без реальной отдачи. Мы привыкли не руководить процессом, а участвовать в нем. То есть когда нас привлекают, подключают. Но при этом скрытно, иногда открыто отказывают в реальном сотрудничестве. И мы это проглатываем. Мол, мы же не мелочные, а большие и добрые. Такая ситуация по Корею, Ирану, израильско-арабскому конфликту, когда нас взяли в «квартет», а потом, используя, тихо отодвинули в сторону. По Украине – проявили инициативу с Минским соглашением по перемирию, а потом оказались в крайних, да еще и под санкциями.

– Из вашего монолога следует, что в истории нашей внешней политики светлых страниц до обидного мало. Так?

– Не совсем так, были светлые и даже золотые страницы. Вспомните Великое посольство в Европу Петра Великого, когда он добивался и получил от влиятельных правителей карт-бланш на ослабление не в меру возросшей Швеции и с блеском решил эту задачу в ходе Северной войны, венцом которой была Полтавская битва. То же самое и с Тур-

цией. Или время золотого века Елизаветы и Екатерины II, когда в основном демонстрацией военной силы в ходе кратких, но успешных батальи и дипломатическими маневрами России удалось возвыситься так, что очень многие государства искали с нами дружбы. А времена Венского и последующих конгрессов после разгрома Наполеона, когда наш Александр I в течение десяти лет фактически правил Европой. Или времена русско-турецкого противоборства, завершившиеся освобождением балканских христиан, а также прорыв внешней блокады молодой советской дипломатией, а потом блестящие результаты на конференциях в Тегеране, в Крыму и Потсдаме. Венец такого списка – создание ООН, политика мирного сосуществования вплоть до Совещания в Хельсинки. И конечно, немало страниц дипломатии Путина. Не все, но многие. Например, создание таких организаций, как ЕАЭС, ШОС и БРИКС. В них вошли настоящие и будущие мировые лидеры, которые составляют костяк грядущей действительно общемировой цивилизации, идущей на смену дряхлеющей евроатлантической системе. Замечу, что в агонии она уже делает и еще будет делать немало глупостей. И потому меня напрягает наша пассивность по развитию деятельности БРИКС. И то, что мы никак не расстаемся, хотя бы и мысленно, с чуждой нам группой стран G-7.

Впрочем, продолжим рассказ о династии. Первым и самым известным дипломатом в нашем роду был уже упомянутый мной Безбородко Александр Андреевич.

– Неужели это тот, который на склоне лет сказал своим молодым коллегам: «Не знаю, как будет при вас, а в наше время ни одна пушка в Европе без соизволения России выстрелить не могла»? Так, я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь... и насчет «европейских пушек» верно. Его слова. Служил он при Екатерине II и Павле I. Был очень даровитым. Повторюсь, сначала состоял секретарем при генерал-губернаторе Малороссии Румянцеве, потом при самой императрице. Руководил императорской канцелярией по подготовке проектов законов и указов, а в сорок лет возглавил дипломатическую службу России. Император Павел присвоил ему титул светлейшего князя и звание канцлера (по Табели о рангах равное военному «фельдмаршал»). Это он от имени России возглавлял делегацию на переговорах с Турцией и подписал Ясский мирный договор (1791), по которому она окончательно признала провозглашенное нами в 1783 году присоединение Крыма к России и обязалась более не нападать на территорию севернее реки Кубань. После этого и началось освоение Крыма и Прикубанья.

Из семейных разговоров и архивных источников мне известно, что Александр Андреевич много размышлял об искусстве внешней политики, ее тайнах и считал, что стремление в буквальном смысле управлять международными делами с целью сохранения однажды завоеванных позиций или сложившихся отношений (статус-кво) вообще очень пагубно. Да и невозможно. Это не поместье, не фабрика и тем бо-

лее не армия. Хотя международные отношения – это более или менее постоянный набор подобных историй и их повтор. Но личный фактор и время на все накладывают свой неповторимый отпечаток. То есть дело в лицах – правителей, министров, послов. В их сочетании, или, вернее, комбинации. В их страстях. И особенностях времени. Такое суждение безуспешно пытались опровергнуть на практике многие наши и зарубежные правители и дипломаты. Именно таким образом пытались действовать австриец Меттерних, наши императоры Александр I, Александр II и главы МИДа Нессельроде и Горчаков в Центральной Европе и на Балканах. Позже, хотя и успешнее, – советский министр Громыко. Бывали исключения. Железный канцлер Германии Бисмарк относился к внешней политике как фельдфебель к роте на плацу и в кратком периоде весьма преуспел в своих действиях. Однако в долгосрочной перспективе это привело Германию к развязыванию двух мировых войн с целью превращения в плац всего мирового пространства. То, что мы считаем новым, уже бывало в прошлом. И будет в будущем. К сожалению, войны тоже. Люди и человечество, по сути, не меняются. С течением времени меняется только антураж и обстоятельства, по-крупному все то же: Жизнь – это рождение, а далее опасное путешествие между Добром и Злом до самого смертного часа.

Также Безбородко считал полезными только такие союзы, которые заключаются не против кого-то, а для развития

отношений между его участниками. Стремление управлять внешней политикой единолично или с помощью стран-союзников ведет к монополии одного государства на ведение международных дел и всегда оканчивается попыткой установить региональное или мировое господство. Естественно, единственным доступным средством – силовым путем. Либо грубым военным захватом, либо, как в современной жизни, «мягкой силой», например, путем размещения военных баз на территории других государств через навязывание кабальных соглашений, либо сочетанием первого и второго способов – как это делают после Второй мировой США. Нормально сотрудничать мешает непрерывная политическая и экономическая конкуренция между государствами. Здесь требуется разумная умеренность или золотая середина, которой обладают редкие политики. Среди наших такими были Екатерина II, Иосиф Сталин, из иностранных – прежде всего американец Франклин Рузвельт. Начиная с середины XX века таким качеством удивительно безупречно обладают коммунистические руководители Китая. Причем практически все, начиная с председателя Мао. У них не грех и поучиться.

– Простите, перебыю. Кто из деятелей современной России так же разумны? А потом возвратимся к родословной.

– В сегодняшней России – разумно, осторожно действует наш президент Путин. Хотя и свехосторожность нередка. Тяжела шапка Мономаха. Недавно прочитал его оценку в мемуарах одной близкой к дипломатии американки. Я сле-

лал выписку. Вот, послушайте.

«С советскими лидерами у меня встреч не было, – вспоминает дама, – но в начале 90-х в Санкт-Петербурге я встрети­лась с будущим президентом Путиным, у нас была очень интересная беседа. У меня вызвало уважение то, как органи­зовано, безлично и по-доброму он выведывал информа­цию, которая ему была необходима, чтобы оценить, может ли он дать разрешение на мой проект. После часового опро­са разрешение он дать не смог. Особенно меня впечатлило, что он сказал правду: на тот момент проект не соответство­вал закону и он не мог его завизировать. Другие советские бюрократы в аналогичных ситуациях не волновались, закон­но то, что их просят, или нет. Для Путина это был идеаль­ный вариант попросить взятку, но, очевидно, у него такого намерения не было. Потом, на улице, я сказала своему другу и переводчику: «Это был первый советский чиновник, кото­рый не попросил у нас ничего ценного».

Сегодня, на мой взгляд, – продолжает американка, – пре­зидент Путин – все тот же прямолинейный человек, кото­рым он был, пока не стал всемирно известным. Я слежу за его действиями, как ястреб, и изучаю его речи. Он очень предска­зуемый человек, за действиями которого, по-види­мому, есть благородная стратегия. В Мюнхене он единствен­ный из мировых политиков, говоря о политике США, назвал вещи своими именами. Он избегает войны, находит яркие решения, вроде помощи в уничтожении сирийского биоло-

гического (химического. – С. П.) оружия. И он говорит правду, так, как ее видит. Не случайно американские журналы «Тайм» и «Форбс» дважды выбирали его самым влиятельным человеком в мире. Я бы его самым влиятельным не назвала, но самым *осторожным*, умным и дальновидным на сегодняшний день – да. Он очень похож на других россиян, с кем я познакомилась за двадцать – тридцать лет. Им можно доверять, они искренние, работающие, если верят в свое дело, отличные семьянины. И у них особая любовь к искусству, истории и культуре, что меня восхищает».

Очень лестные оценки. Добавлю от себя, что Европа и Америка – это протестантская и католическая тяга к накопительству и потребительству, а Россия – это православные умеренность и бескорыстие. Например, американцы и европейцы могут часами стоять в безумных очередях на распродажах товаров. Наши православные тоже часами стоят в огромных очередях в храмы, чтобы прикоснуться к святыням. Эти принципы, привычки и традиции отражают фундаментальное различие двух общественных укладов и культурных кодов. И еще – мы рассматриваем международное право как автоматический регулятор внешней политики, американцы – как право сильного, хотя тщательно это маскируют путем создания разного рода временных коалиций. К сожалению, они ближе к истине. Действительно, международное право еще больше чем внутреннее опирается на силу. Причем, как уже отмечалось, на военную. А мы все еще продол-

жаем верить в добрые намерения «партнеров».

И еще о противоречивости «родимых пятен» русского человека, влияющих на наши дела. Во-первых, это способность организовать работу в самых трудных условиях (например, беспримерная эвакуация заводов в 1941 году) и ленивая расслабленность в условиях комфортных (застой в брежневскую эпоху); во-вторых, умение удовлетворять интересы других людей и народов (входить в их положение) и отсутствие претензий на их подчинение; в-третьих, все та же доверчивость – самая русская черта характера. В этом смысле Путин очень русский человек. Он как-то признался, что вплоть до 2007 года очень доверял «друзьям» американцам и британцам. Пока они не натравили на нас безумного грузинского лидера Саакашвили. Видите, меня и тут занесло в современность. Так естественно и постоянно она давит на наше сознание.

– Совсем недавно я слышал схожую оценку Путина от нашего весьма почтенного деятеля. Он назвал поведение Путина во внешней политике как «умную осторожность». Знатки древней истории такой стиль именуют «фабианским» по имени известного своими победами и тактическими маневрами древнеримского полководца Фабия. Но возвратимся к Безбородко – этой действительно легендарной личности. О нем как дипломате написано вагон и маленькая тележка. Но есть и пробелы, например, о личной жизни почти ничего нет. Была ли у него частная жизнь? Известно, что он не был же-

нат и не оставил потомства. Поэтому расскажите, от кого тогда ваш род, и особенно подробно о тех, кто ближе к нашему времени и кого вы знали лично. Еще есть желание, чтобы вы рассказали о своей дипломатической карьере. И как случилось, что вы успели послужить и в МИДе, и в Комитете государственной безопасности. Мне кажется, что это не очень совместимо и могло повлиять на авторитет дипслужбы. Разве не говорится в верительной грамоте послов, что правительство посылающей страны просит верить всему, что сообщает посол? А тут такая неправда с первого шага! И были ли еще подобные случаи в дипломатической практике нашей и других стран? Или ситуация с вами – это исключение? Может быть, подробнее расскажете о вашем сыне?

– Хорошо, продолжу рассказ о родословной. Потом поговорим о второй части вопроса. Итак, продолжился наш род сыном сестры Безбородко графом Виктором Кочубеем. По отцу его прадедом был известный полковник Василий Кочубей, которого предатель Мазепа казнил за верность императору Петру Великому. Прах Кочубея покоится в Киево-Печерской лавре рядом с прахом Столыпина. Теперь в пробандеровской Украине Мазепа стал национальным героем, и я боюсь за их могилы. Вся надежда только на монастырскую братию.

Я уже отметил, что россияне имя Виктора Кочубея тоже поместили на памятнике 1000-летия. Отец его рано умер, и воспитывался он дядей. Это и был Безбородко. Учился Вик-

тор азам грамоты сначала дома, затем в частном пансионе. Образование получил в Женеве. Потом служил в дипломатических миссиях в Стокгольме, Лондоне, посланником в Константинополе. Но однажды блестящая карьера дала сбой. За отказ взять в жены Анну Лопухину, фаворитку Павла I, оказался в опале. Но правление Павла, как известно, было насильственно прервано в результате дворцового заговора и потому продлилось недолго. При Александре I молодой граф Кочубей опять попал в любимчики, был членом Негласного комитета и Госсовета, министром. Неоднократно выполнял ответственные задачи на поприще дипломатии. Пока Николай I не поручил ему возглавить правительство. Под руководством Кочубея комиссия Михаила Сперанского выполнила работу по подготовке первого Свода законов России. За это Виктор Павлович и получил титулы князя и канцлера. «Мой девиз во внешней политике, – неустанно повторял он, – таков: все должны искать дружбы с Россией, как при матушке Екатерине». Умер скоропостижно в 1834 году, оставив жену, княжну Марию Васильчикову, с дочерью и четырьмя сыновьями. Никто из них не стал дипломатом. Но правнук Виктора Павловича сначала подался в революционеры и даже был соратником Ленина, а потом по инициативе Сталина направляется на дипломатическую службу. Это был мой отец.

– Можете рассказать о его встречах с Лениным и Сталиным?

– Много не знаю, но кое-что смогу. И тот и другой бывали у отца в Вене, когда он там жил как политэмигрант.

Гость от Ленина

– Хорошо помню, как сын приехал ко мне в Вену, где я тогда служил, и попросил показать дом, в котором в начале XX века жили мой отец и его первая жена. Они оба были, как я уже говорил, революционерами и политэмигрантами.

Перед посещением дома я рассказал ему все, что было мне известно об этом периоде, вообще о жизни моих родителей. И как они в 1913 году принимали будущего вождя СССР, а тогда малоизвестного революционера Джугашвили-Сталина, которого впоследствии не кто-либо, а легендарный британский премьер Черчилль назвал «самым выдающимся руководителем государства всех времен и народов».

– Как-то прочитал, что Сталин никогда не бывал за границей России и не знал, как там устроена жизнь. Мол, как же он мог заниматься внешней политикой? Значит, это неправда?

– Это миф. Он бывал в Англии, Польше, Швеции, Финляндии и Австрии. В войну посетил Иран. После войны – Германию. Причем, в отличие от некоторых теперешних правителей, все поездки были по делу, а не для знакомства с другими странами и их правителями. Кстати, в его биографии пребывание в Австрии и Польше почему-то не указывается. Сталин был поглощен ежедневными заботами по

управлению громадной, сложной страной и поэтому не позволял себе увлекаться пустыми вояжами. Это не Горбачев, который мотался с женой по всему миру, а страна в это время разваливалась.

Начало XX века. До Первой мировой – полтора года. Вена. В квартире политэмигранта из России по имени Александр раздался звонок. Открыв дверь, хозяин увидел молодого худощавого мужчину кавказской внешности.

– Иосиф... Иосиф Джугашвили, – с заметным акцентом представился он.

– Александр... Прошу, проходите. Ильич о вас говорил и писал.

– Холод собачий, как в Сибири. Не ожидал, что такое бывает в Австрии.

– Сейчас чайком согреетесь. Потом отдохнете с дороги. Комната готова.

За чаем хозяин спросил о самочувствии Ильича и Надежды Константиновны.

– Оба в полном здравии. Климат Кракова им очень подходит. Правда, перед отъездом я испортил Ильичу настроение.

– Что, сильно поспорили? Он это любит.

– Нет, в спорах ему равных нет. Он проиграл мне в шахматы. Семь партий подряд. Вот и расстроился.

Так, в общем-то обыденно, состоялось знакомство моего отца с Иосифом Сталиным. Друзьями они не стали, но взаимное уважение сохранили на долгие годы.

На другой день после завтрака поговорили о деле. Обсудили, как лучше выполнить задание Ленина – подготовить в партийный журнал статью, которая должна стать основой для партийной дискуссии по будущей национальной программе РСДРП. Решили, что называться она будет «Марксизм и национальный вопрос».

Пять недель прожил кавказский гость в семье моего отца Александра. Иногда к ним заходил живший в Вене Николай Бухарин. Приносил книги по национальным отношениям. Делал переводы необходимых фрагментов. К непростой работе привлекали и хозяина квартиры. И тогда дело продвигалось быстрее. Александр имел военное, физико-математическое и юридическое образование, немалый теоретический и практический опыт партийной работы. По происхождению был литовско-польско-русским дворянином. Его подготовка и жизненный опыт служили хорошим подспорьем в работе по такому сложнейшему вопросу. После неудачи первой русской революции в РСДРП наступила пора отчаяния. Поэтому свою статью Сталин решил начать так: «Верили в светлое будущее, – и люди боролись вместе, независимо от национальности... Закралось в душу сомнение, – и люди начали расходиться по национальным квартирам». Просто и как будто на все времена сказано. Если перефразировать применительно к будущему периоду развала СССР, то и получается: «Пока верили в коммунизм и дружбу народов, все пятнадцать национальных республик были вместе. Убили эту ве-

ру горбачевисты-ельцинисты, – и разбежались республики в разные стороны». А ведь обстановка, в которой создавался и формировался СССР, была идеальной. Большинство народов будущих советских стран в царской России государственности не имели. То есть это не были «яйца уже сваренные вкрутую», как, например, государства, входящие в теперешний Евросоюз. Потому так сравнительно легко и получился «омлет» под названием СССР, который был бы и теперь, если бы в конце XX века под флагом обновления его не разрушили предатели Горбачев и Ельцин.

Статью Сталин готовил увлеченно, тщательно, и после ее публикации, а также лестного отзыва Ленина в партии заговорили о еще одном теоретике. В середине февраля он уехал в Петербург, где через неделю был арестован (по наводке депутата Госдумы, члена ЦК РСДРП, агента царской охраны по совместительству Романа Малиновского) и выслан в Туруханский край. О своем предстоящем приезде Сталин написал Малиновскому из Вены 2 февраля.

Там же в Вене жизнь впервые свела Сталина с Троцким. Уже после высылки из СССР Троцкий рассказывал, как он впервые увидел Сталина в Вене у политэмигранта Матвея Скобелева – в будущем министра труда Временного правительства. Но тогда знакомство не состоялось: «Мы сидели у Скобелева и пили душистый русский чай. Неожиданно открылась дверь соседней комнаты. К нам вошел невысокий, худой, смуглый кавказец с пустым стаканом в руке, произнес

что-то вроде приветствия, налил из самовара кипятка и вышел. Я спросил, кто это. Скобелев ответил, что это его знакомый по Баку Джугашвили. Он теперь в ЦК большевиков».

В перерывах между работой гость посещал эмигрантов из России, познакомился с Веней. Нередко брал с собой дочь хозяев, гулял с ней по паркам, особенно любил сады дворца Шёнбрунн, где угощал маленькую Галю мороженым. Потом она станет женой члена политбюро и председателя Госплана Куйбышева. За немужское поведение к жене Галине (оставит ее заболевшую) Куйбышеву крепко влетит от Сталина.

В декабре 1949 года на доме по улице Шёнбруннер, 30, где пребывал Сталин, власти Вены установили памятную доску с текстом и его бронзовым барельефом. Текст гласит: «В этом доме в январе 1913 года жил И.В. Сталин. Здесь он написал свой выдающийся труд «Марксизм и национальный вопрос». Дом и доска сохранились до настоящего времени. Видите, Гитлеру – уроженцу Вены такой чести не оказали. Это я для тех, что никак не могут уняться в сравнениях политических режимов этих деятелей.

– Хороший аргумент. Вы, как я понял, к Сталину относитесь с симпатией?

– Да, правитель и дипломат он был выдающийся. Думаю, есть смысл поговорить об этом подробнее, но позже, когда, надеюсь, будем обсуждать становление и состояние дипломатии советского периода. Замечу только, что, по моему убеждению, плюсы в его деятельности многократно переве-

шивают минусы. Но многие из нас, еще более грешных, чем он, пытаются судить эту величину по обычным меркам, забывая, что он уже давно подсуден только двум высшим судам: историческому и божьему.

– Согласен. Уверен, мы еще не раз обратимся к этой исторической фигуре, которая до сей поры не позволяет о ней забыть и даже непосредственно влияет на многие стороны жизни и общества, и государства. Теперь, пока не забыл, хотелось бы услышать ваш ответ насчет дипломатов-разведчиков.

Резиденты. Кто они?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.